

основных массивов информации; методике сбора данных о деятельности трудовых коллективов; методике контент-анализа официальных документов; характеристике социально-экономической ситуации в Одесской области; списке информационно-аналитических справок (представленных в органы управления); перечне газетных публикаций по результатам проведенных опросов. Кроме того, как блестящий аналитик И.Попова великолепно использует и результаты других исследований ведущих социологических центров и коллективов, работающих в данном проблемном поле, и т. п.

Наконец, следует отметить воспитательную, нравственную значимость рецензируемого исследования. Данная книга должна стать солидным “историко-социологическим путеводителем” для молодого поколения нашей страны (прежде всего, для молодых ученых: историков, социологов, философов), поможет ориентироваться в океане противоречивых фактов, оценок, интерпретаций сложнейшего периода в жизни украинского общества, описываемого и диагностируемого автором монографии.

Хочется выразить надежду, более того уверенность, что Ирина Марковна продолжит свой “диагноз”, благо, бурные, насыщенные, неординарные события начала XXI века просто “требуют” этого, давая массу интереснейшего, сложнейшего (для анализа) материала.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела теории, истории и методологии социологии Института социологии НАНУ

Номo Post-Soveticus: к исследованию постсоветских идентичностей и толерантности в Украине и России

Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л.Дробижевой, Е.Головахи. — К.: ИС НАНУ; М.: РАН, 2007. — 280 с.

Недавно вышедшая совместная работа украинских и российских социологов, представляющая собой результат исследовательского проекта “Национально-гражданская идентичность и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ”, безусловно, является существенным вкладом в развитие современных социальных исследований обеих стран. Авторы книги не ставили себе целью предлагать какие-либо практические рекомендации и, тем более, реформулировать идеологе-

мы национально-государственного строительства в Украине и России. Однако такая, опирающаяся на результаты социологических исследований, объективная научная экспертиза многих социокультурных аспектов утверждения двух постсоветских гражданских наций — украинской и российской — делает этот труд весьма актуальным для осмысления и оптимизации действующих политических стратегий формирования и модернизации этнических, национально-гражданских и демократических идентичностей в Украине и России.

Тема идентичностей во всем их постмодерном многообразии — от традиционных, этнокультурных, локальных, конфессиональных до гражданских, политических, цивилизационных, транснациональных и даже глобальных — пожалуй, один из наиболее востребованных предметов социальной науки конца XX — начала XXI веков. И тому есть свои причины. Для современного общества характерно взаимодействие комплексных факторов воспроизводства и формирования идентичностей. Проявления этих обстоятельств в современном глобальном мире многообразны: межцивилизационные и межкультурные конфликты; эффекты новейших медийных мобилизаций этнокультурных сообществ поверх государственных границ; угрозы терроризма, часто находящего идеологическое и культурное оправдание в дискурсе сопротивления “угнетенных”, виктимизированных или “исключенных” идентичностей; эскалация инонациональных и инокультурных общин и сообществ, а также активное расширение их анклавов в Западной Европе; актуализация транснациональных идентичностей (мусульманской, европейской, славянской). В одной из недавних своих работ американский эксперт С.Хантингтон задается вопросом “Кто мы?” [1]. Он усматривает угрозу дезинтеграционных этнокультурных процессов, подрывающих традиционные англо-протестантские основы американской идентичности и сам миф о новой нации как “плавильном тигле” многих этносов и культур — пожалуй, наиболее успешный современный проект нациетворчества. Очевидно, что тема формирования, поддержания и воспроизводства идентичностей весьма актуальна и для многих “успешных” наций.

Она тем более востребована в постсоветских обществах и государствах, в частности в Украине и России, пребывающих в сложных процессах общественных трансформаций. И если для Украины с ее пока еще непродолжительным периодом утверждения государственной независимости в новейшей истории тема национально-государственного строительства является уже привычно актуальной и зримо обозначенной в национальном, политическом и научно-экспертном дискурсах, то российская аналогичная проблематика модернизации “национального проекта” не только недостаточно освещена в нашей литературе, но и не столь очевидна для украинского читателя. Между тем, как убедительно показывают авторы совместного труда, обе страны, оба общества и их элиты по-своему и в разных национально-государственных дизайнах (унитарном для Украины и федеративном для России) пытаются решать сходные проблемы формирования новых современных наций в контексте сосуществования разных — советских, постсоветских, национальных, гражданских, культурных, языковых, конфессиональных идентичностей. Иными словами, проекты *homo post-soveticus* в обеих странах являются открытыми и развивающимися согласно своей логике и социокультурной динамике, где сочетаются общее и особенное для обеих стран.

Среди многообразия самосознаний авторы концентрируют свое внимание на национально-гражданских идентичностях как наиболее важном символическом, политическом и практическом ресурсе интеграции социально, культурно и этнически дифференцированных обществ каждого государства. В своем методологическом подходе исследователи аргументированно обосновывают использование этого концепта (близкого по значению к устоявшимся в англоязычной литературе понятиям политической или, корректнее, гражданской нации — *civic nation* [см.: 2]). Этот выбор обусловлен не только многообразием манифестаций современной идентичности, но и идеологически выдержанной для советских времен и все еще довлеющей в

постсоветском дискурсе семантикой понятия нация как этнокультурного феномена. И хотя понятие “нация” (а также его производные — “национальное государство”, “национальные интересы” и т.п.) уже активно используется в его гражданско-правовом значении в современных политических практиках и в научной сфере обеих стран, тем не менее все еще устойчиво сохраняется его первично этнокультурная коннотация. В Украине, к примеру, многие политики, особенно левой политической ориентации, предпочитают вместо категории “нация” употреблять более привычное, но, по сути, не менее двусмысленное понятие — “народ”.

Стоит также заметить, что гражданская нация или национально-гражданская идентичность — все же не “стерильная” категориальная абстракция, лишенная каких-либо этнокультурных, языковых или религиозных контекстов и наполнений. Как справедливо замечает авторитетный канадский исследователь В.Кимличка, в такой трактовке гражданской нации отношение к национальной культуре и этническая принадлежность индивида рассматриваются подобно религиозной вере [3, с. 103], то есть как сфера приватного, где граждане могут свободно определять свою этнокультурную идентичность без вмешательства государства. Развитием этой позиции является сомнительное и в целом нереалистичное утверждение о возможности существования национально нейтрального (или этнически не ангажированного) государства, а также суждение о якобы несовместимости принципов индивидуальной свободы с принципами национальной принадлежности.

Более того, гражданская идентичность — не только юридически-правовая атрибуция принадлежности индивидов разных стран к институту их гражданства (впрочем, даже этот, казалось бы, формальный аспект — предмет скорее юридический, нежели социологический, также проблематизируется в современном мире массовых миграций). Все чаще современные теоретики (Ю.Хабермас, Ч.Тейлор и другие) говорят о концепции “активного гражданства”, включающей в себя помимо формально-юридического основания такие существенные ценности и установки, как патриотизм, гордость за страну, политическое участие граждан, их толерантность и способность к признанию социокультурных различий (этнокультурных, языковых, религиозных). Поэтому вполне закономерно, что такая ценностная характеристика активного гражданства и национально-гражданской идентичности, как толерантность, в украинском и российском контекстах также является не менее значимым предметным полем исследования.

Среди предложенных в книге актуальных исследований проблематики толерантности, в частности межэтнической, в разных ее проявлениях в обеих странах (в молодежной среде, в контексте миграционных потоков и в сфере религии) стоит особо выделить применение классической социологической методики Э.Богардуса, построенной на шкалах социальной дистанции. Эта методика была эффективно адаптирована и развивалась с начала 1990-х годов Н.Паниной для исследований межэтнической толерантности в Украине. Стоит, впрочем, заметить, что выводы этих исследований, показывающие определенные тенденции изоляционизма в Украине в начале 2000-х годов, могут быть интерпретированы не столько как угроза нарастания ксенофобских настроений в массовом сознании, а скорее как “побочный продукт” формирования собственной национальной идентичности через определенное дистанцирование и даже противопоставление себя и “других”.

Более того, логика утверждения украинской национальной идентичности во многом проявляется в таком дистанцировании, или, вернее, различении между, например, украинцами и русскими (“Украина не Россия”). Проблема эта, по крайней мере, для украинцев, не надуманная. По данным опроса Левада-Центра от 7 декабря 2007 года почти половина опрошенных россиян считают, что русские и украинцы — это один народ [4].

К тому же все познается в сравнении. Согласно результатам сравнительного исследования стран Восточной посткоммунистической Европы конца 1990-х годов, украинские респонденты оказались наиболее склонны к приятию законодательно

утвержденной в стране либеральной концепции гражданства (90% респондентов). Для сравнения: венгерские респонденты того же исследования продемонстрировали наиболее высокий уровень поддержки этнической концепции гражданства (44%) и обнаружили наименьший уровень поддержки его либеральной концепции (26%) [5, с. 19].

Социологический подход к проблематике национально-гражданских идентичностей в Украине и России, реализуемый исследователями в рамках рассматриваемого проекта, предполагает, что их формирование находится в сложном взаимодействии инициируемых элитами процессов — политического конструирования “сверху” с использованием архаических, примордиальных основ нации (коллективная историческая память и мифы, язык как нациеформирующий фактор, пантеоны героев, символические ритуалы единения и солидарности общности и т.п.), с одной стороны, и самоорганизационных идентификационных практик “снизу”. Авторы показывают многие аспекты этого, по-своему уникального, процесса рождения, по сути, новых политических наций — украинской и российской (отнюдь не русской). Однако процесс этот, происходящий в новых социокультурных обстоятельствах глобализации, часто воспроизводит в концентрированной, исторически спрессованной форме общие закономерности возникновения современных европейских наций периода XVIII–XIX веков (проявляющиеся, в частности, в особой роли государства и национальных элит в нациеформирующих процессах). В идеологической сфере процесс формирования, воспроизводства и индокринации смыслов идентичностей прослеживается исследователями в переплетении сосуществующих дискурсов травматической исторической утраты (единого советского пространства, прежней “новой исторической общности” советских людей) и новых исторических обретений, в новых интерпретациях и мифологизациях истории, порой конфликтных (к примеру, в обращении лидеров обеих стран к общему историческому наследию Киевской Руси и разных идеологических оценках советского прошлого), в споре идеологий “цивилизационного выбора” в политических дискурсах обеих стран. В своей концептуальной основе идеология любого национально-государственного строительства, безусловно, предполагает также противоборство различных подходов к пониманию и процессу формирования нации, соответствующих дизайнов организации национального государства (в вариациях от этнократического до национально-гражданского), а также — различные интерпретации народного суверенитета, роли гражданского общества и моделей демократии (от президентско-парламентской или парламентско-президентской до особого “третьего пути” через так называемую “управляемую демократию”).

Анализ реальных практик формирования национально-гражданских идентичностей и толерантности в Украине и России — вторая не менее важная составляющая рассматриваемого исследовательского проекта. На основе социологических исследований, включающих как мониторинговые опросы, так и качественные методы сбора социологической информации, авторы книги анализируют такие актуальные аспекты этих процессов в каждой из стран, как практики этнокультурного дистанцирования и сближения, изоляционизма и толерантности, соотношения между этнической и национально-гражданской идентификацией, тренды идентичностей в поколенческом ракурсе, проблемы толерантности и идентичности в условиях нового миграционного притока, влияние религиозной и конфессиональной идентичности на процессы формирования национально-гражданских идентичностей и этнонациональной толерантности.

И хотя, как признают сами авторы, исследования этой проблематики в обеих странах в силу объективных обстоятельств не всегда были строго сопоставимы (к примеру, с единой выборкой и одним опросным инструментарием мониторинговых опросов), однако общий методологический подход, четкое определение предмета и объекта исследования, принципов отбора выборочных совокупностей, а также эф-

фект слаженной командной работы научных коллективов обеих стран обеспечили в результате корректное, актуальное и инновационное сравнительное исследование.

Изучение взаимодействий между идеологией и практикой в формировании национально-гражданских идентичностей в таких интригующе близких и схожих, но вместе с тем различных странах, как Украина и Россия, полезно и нужно не только потому, что оно является одним из первых в реализации комплексного подхода к этой проблематике. Сравнительное исследование, по определению, информативней, актуальней и, пожалуй, интересней, чем ограниченное анализом материала каждой из этих стран. Именно сравнения, параллели и различия часто помогают исследователю (как впрочем и благодарному читателю) лучше понять свое общество или (как справедливо отмечают авторы, оценивая свой опыт работы в этом совместном проекте) “увидеть то, что не всегда очевидно при взгляде изнутри”.

Литература

1. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004.
2. *Степаненко В.* Современный социологический словарь // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 192–195.
3. *Kymlicka W.* Minority Nationalism within Liberal Democracies // The Rights of Nations. Nations and Nationalism in a Changing World / Ed. by D.M. Clarke, C. Jones. — N.Y., 1999. — P. 100–126.
4. <http://www.levada.ru/press/2007120702.html>.
5. *Wallace C.* Xenophobia in Post-Communist Europe. — Glasgow, 1999.